

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Н.А. КОСОЛАПОВЫМ,
РУКОВОДИТЕЛЕМ ОТДЕЛА МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ИМЭМО РАН**

Интервью с профессором Николаем Алексеевичем Косолаповым посвящено наиболее актуальным и сложным проблемам современных международных отношений и мировой политики, раскрывает нынешнее состояние политической психологии в России и за рубежом, а также эволюцию развития данной науки. По оценкам Н.А. Косолапова, востребованность прикладных политико-психологических проектов в России резко снизилась по сравнению с 1990-ми гг., они в полной мере не используются не только при выработке политических стратегий, но и в процессе оперативного принятия и реализации политических решений в стране. В интервью обозначены факторы, препятствующие появлению теоретических и прикладных исследований в России, и намечены реперные точки будущего развития политической психологии. Также затронуты важнейшие вопросы психологии лидерства в контексте современных российской и международной практики, политического процесса в целом, показаны различия в подходах европейской и российской научных школ при анализе политического лидерства.

Особый интерес представляет авторское видение ключевых проблем современных международных отношений: мы являемся свидетелями того, что американское глобальное лидерство переживает острейший кризис, который способствует эскалации межгосударственных конфликтов. Однако положительным аспектом международного кризиса для нашей страны стало то, что он побудил элиты пересмотреть собственные идеологические ориентиры относительно роли России в мировой политике, вынудив бороться за «новые позиции».

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, политическая психология, психология лидерства, внешнеполитическое сознание.

Николай Алексеевич Косолапов родился 23 апреля 1942 г. в Москве. В 1970 г. закончил факультет международных экономических отношений Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД СССР, в 1974 г. — аспирантуру ИМЭМО АН СССР. Кандидатская диссертация на тему «Социально-психологические факторы в эволюции политики США во Вьетнаме, 1945—1975» защищена в 1976 г.

Николай Алексеевич имеет богатый опыт научной и партийно-государственной работы, преподавательской деятельности. В настоящее время является заведующим отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН.

Николай Алексеевич, насколько, на Ваш взгляд, внешняя политика государства определяется объективными факторами (внешнеполитический потенциал, совокупная мощь — армия, экономика, новые технологии), а насколько субъективными (психологией ЛПР, институциональным дизайном организаций, принимающих участие в процессе выработки внешнеполитических решений)?

Не согласен с подобной постановкой вопроса в принципе: с делением факторов на объективные и субъективные как таковым. Например, «институциональный дизайн организаций» — фактор, который следует признать объективным даже по этой схеме.

Откуда пошло деление на «объективное» и «субъективное»? Эта дихотомия уходит корнями в эпоху Просвещения, и изначально идет от несогласия светского идейного начала с религиозным. «Субъективное» в таком его смысле означало то, что идет от человека, в отличие от того, что прямо и непосредственно исходит, как считается, от воли божьей. Со временем мысль развивалась, и открытие законов естественного мира привело к пониманию того, что человек ограничен объективными, то есть вне его лежащими закономерностями и факторами.

Но мысль не стоит на месте. В настоящее время мы говорим уже не о дихотомии «материальное-идеальное», а о триединстве «материальное-идеальное-виртуальное». И здесь необходимо введение третьего компонента, который я обозначу как «объективность субъективного».

Сама психика человека и психология как ее содержание обусловлены множеством факторов, которые мы в рамках двучленной дихотомии отнесли бы к объективным. Это наследственность, физиологическая организация данного организма, культурное и иное влияние среды, образования, социально-экономических условий и пр. В той мере, в какой социум формирует личность, психология этой личности будет неизбежно фактором объективным.

Далее, любые действия человека, что бы ими ни двигало, для других людей оказываются одним из объективных факторов. Действия Президента Б. Обамы объективны для В. Путина и наоборот. Действия субъективны лишь для того, кто их предпринимает. К тому же в жизни вообще, а во внешней политике особенно, всегда присутствует некое взаимодействие — так, В. Путин и Б. Обама не только преследуют каждый свои цели, но и реагируют друг на друга.

Плюс внешняя политика бывает как инициативной, так и реагирующей на какие-либо проблемы, на действия других стран — опять-таки в тесном переплетении первого и второго. Поэтому я бы говорил, что на стадии инициации политики определяющее значение имеют психологические факторы — представления, эмоции, ценности, цели, предрассудки и пр. — лиц, принимающих решения. А вот что из задуманной политики выйдет, зависит от компетенции кадров, эффективности служб и институтов, материальных и иных возможностей как наших, так и стран-партнеров или оппонентов по внешнеполитическому взаимодействию.

В то же время необходимо учитывать, что политика никогда не опирается на теорию. Для прецедентного решения конкретного вопроса необходимо в чем-то отойти или даже вовсе отказаться от стандартных мышления, шаблонов поведения, форм и критериев принятия политических решений; если Вы приняли какую-либо теорию, Вы становитесь прогнозируемым.

Николай Алексеевич, вы являетесь одним из ведущих специалистов в области политической психологии и одним из зачинателей этой отрасли знания в отечественной науке. Пожалуйста, охарактеризуйте современное состояние политической психологии в России.

Не чувствую себя патриархом и не готов давать оценки исследователям и центрам, работающим в этой области. Скажу только о состоянии, в каком находится, на мой взгляд, наука политическая психология, и о современном положении этой науки у нас в стране. Естественно, не претендуя на непогрешимость своих оценок.

В развитии всякой науки есть определенные, достаточно сложные циклы. На начальном этапе, когда делается самый первый шаг от философских размышлений к новой науке, шаг этот заключается в том, что формулируются ее базовая аксиоматика и исходные гипотезы, как правило, макрогипотезы, объемлющие все поле будущей дисциплины. Появление макрогипотез связано не с амбициями их разработчиков (хотя такие амбиции чаще всего имеют место), но с тем, что на этом этапе познания мы способны поставить лишь самые общие, генеральные вопросы. И по этой же причине исходные макрогипотезы остаются, как правило, лишь в истории науки, последующее развитие которой рано или поздно эти гипотезы опровергает или корректирует до неузнаваемости. Этот этап пройден психологической наукой во второй половине XIX — первой трети XX в.

Следующий этап — восприятие таких гипотез и начало их элаборации, более детальной разработки и верификации. В психологической науке он начался с конца 1920-х гг. Этап может длиться десятилетиями, но рано или поздно в нем обозначается три относительно автономных русла.

Первое: заметно ослабляется внимание науки к фундаментальным макрогипотезам. Они в целом приняты за основу, рубеж их надежной верификации объективно еще не достигнут, доказательно сказать нечто принципиально новое в их развитие или опровержение невозможно. Столпы психологической науки первой половины XX в. остаются таковыми и сегодня.

Второе: разработка и развитие макрогипотез и идущая одновременно с этим верификация их частных положений и аспектов приводят к началу формирования т.н. теорий среднего уровня, выдвигающих уже собственные гипотезы в рамках более общих макрогипотез и парадигм. В психологической науке с середины прошлого столетия таких теорий уже многие десятки, и количество их продолжает расти. В этом смысле наука психология напоминает физику или химию, где число теорий среднего уровня столь велико, что специалисты одних направлений уже плохо понимают или вообще не понимают специалистов других.

Третье: если это оказывается практически возможным, теории среднего уровня дают выбросы, протуберанцы в реальную жизнь, формируя на этой основе прикладные знания и дисциплины. Всякое прикладное знание междисциплинарно. На базе психологической науки в разное время возникли педагогическая, военная, инженерная, авиационная, космическая и многие другие психологии. К их числу принадлежит и политическая психология, формально ведущая отсчет с 1968 г. (в это время в рамках Американской ассоциации политической науки было соз-

дано отделение политической психологии — *прим. ред.*), а фактически на несколько десятилетий раньше (смотря как определять ее предмет).

И вот здесь начинается самое интересное: жизнь, независимо от воли и намерений исследователей, исподволь проверяет научную и практическую ценность исходных парадигм и мегагипотез. Происходит накопление как эмпирики, так и ее осмысления, новых к ней вопросов, более широких взглядов, постепенно подготавливающее не только возможность, но необходимость и неизбежность достаточно глубокой ревизии многих или даже всех исходных мегагипотез. Именно мега-, потому что развитие практики и теорий среднего уровня начинает тормозиться дефицитом адекватного времени системного осмысления накопленного опыта, идей, новых методов и подходов.

На мой взгляд, психологическая наука и политическая психология в особенности, пребывают сейчас именно на этом этапе. Конечно, это тема для отдельной статьи или даже монографии; но, на мой взгляд, от глубокого переворота в психологической науке, в ряде других наук о человеке и обществе, нас отделяют лет десять, не более.

В сегодняшней России политическая психология присутствует и в целом развивается. Но происходит это пока в русле второго и третьего из названных выше направлений. Появлению фундаментальных работ мешают, на мой взгляд, идеологический пресс духовной реакции и вульгарного либерализма — определяющих идейных течений России сегодня, — отсутствие крупных задач социального проектирования и управления, ставить которые перед наукой может и должно прежде всего государство, а также известные финансовые и бюрократические проблемы нашей науки.

Востребованность прикладных политико-психологических проектов во внутренней жизни России, на мой взгляд, резко снизилась по сравнению с 1990-ми гг., когда были надежды на их подъем. Связано это со спецификой политической жизни, имеющей внутриэлитный, а во многих случаях и клановый характер и опирающейся на т.н. политтехнологии — по сути, на методы и методологию спецслужб в той их части, в какой первые и вторые уже невозможно дальше держать под грифом «секретно».

Внешняя политика формируется в еще более узкой среде, и какие-либо политико-психологические разработки под ее обеспечение мне неизвестны. Я не утверждаю, что их нет; но я о них ничего не слышал.

Психология лидерства — одно из наиболее интересных направлений политической психологии. Какова, на Ваш взгляд, роль лидера в современном политическом процессе? Ряд исследователей считает, что по мере развития демократических процедур, распространения парламентской демократии роль лидера нивелируется.

Лидер и лидерство, пожалуй, самые мутные категории в современном политическом обороте. В повседневной речи политики, публицисты и обыватели склонны называть лидерами просто наиболее заметных «первых номеров» в той или иной сфере деятельности. Вот Б. Обама — лидер. Кто же его не знает, он ведь

стоит во главе США... В чем суть его лидерства, какими достижениями оно отмечено — бог весть, но лидер. В. Путин тоже лидер — для тех, кому он нравится и кто разделяет его подходы и политику. Кто не разделяет, не признают его лидером никогда. А президент или премьер какой-либо малозаметной на международной арене страны существуют только для дипломатов: лидерами их не назовет никто, каких бы чудес ни добились они в своем государстве...

Но и в науке положение не лучше. Политическая теория, социология, психологическая наука и ряд других вкладывают в понятие лидера совершенно разный смысл. Помимо дисциплинарных, есть различия и социокультурные — между англоязычной (прежде всего американской) и евроконтинентальной трактовками лидера и лидерства.

Европейская психологическая наука в целом склонна различать явления и понятия лидера и руководителя. Лидер добивается своих целей прежде всего сам, а для этого человек должен быть нонконформистом. Крайний, экстремальный тип лидера — диктаторы всех мастей. Руководитель даже высших рангов назначается или избирается (то и другое по неким правилам), а для этого он должен предварительно понравиться тем, от кого зависят его выдвижение, назначение, избрание — то есть быть в какой-то мере конформистом. Экстремальный тип руководителя — безликий бюрократ, органически неспособный к принятию самостоятельных решений, не прошедших предварительную обкатку в бесчисленных ведомствах и комиссиях.

Демократия требует огромного объема согласований и координации; и чем она честнее и более развита, тем внушительнее этот объем. Поэтому демократия всегда существует в неразрывном симбиозе с бюрократией. Разрастание современной бюрократии и ее полномочий еще ввергнет демократию в тяжелейший кризис...

Согласен, что роль лидера нивелируется. Но собственно, ради этого они и придуманы... Притом нивелируют роль именно лидера, а не руководителя: роль последнего, на мой взгляд, резко возрастает и расширяется. Иной вопрос, что это за руководитель, кто и как его выдвигал, какими личными, деловыми, нравственными качествами он обладает. Но мы живем в век руководителей, а не лидеров. По-моему, это хорошо...

Американское глобальное лидерство — это империя, кичащаяся своей силой и нагло заявляющая, что не допустит появления никого, кто стал бы сравним с ней в этом качестве. Это империя, предписывающая правила поведения всем остальным без исключений, но ставящая себя выше всех прочих, выше любых норм и обязательств. Это миллионы погибших, разоренные войнами города и страны... Это созданные и примененные США самые смертоносные виды вооружений. Это ни на чем, кроме собственной фанаберии, не основанные претензии на роль высшего и непогрешимого арбитра в любых вопросах... И что, это лидерство улучшило мир, предотвратило финансовые и экономические кризисы, создало государствам и народам надежный уровень разумной безопасности?

Искренне надеюсь, что лидерство как явление уходит на обочину международных отношений и мировой политики, а его место займет профессиональное,

компетентное, ответственное и нравственное руководство, опирающееся на демократические институты и процедуры и участие гражданского общества.

Как Вы можете оценить роль «Большой тройки» лидеров (И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля) на ход Второй мировой войны и послевоенное мироустройство? В каких терминах политической психологии можно описать сегодняшнюю международную ситуацию (В. Путин, Б. Обама, А. Меркель)?

В терминах политической психологии это межличностные отношения. Так или иначе, общаются между собой три человека, только и всего. Но когда это руководители ведущих мировых игроков, важно, какие мироисторические процессы им предстоит аранжировать и какие тут объективно возможны альтернативы.

«Большая тройка» — в высшей степени незаурядные государственные деятели, каждый из которых возглавлял сверхдержаву того времени. Против союзной мощи трех этих держав шансов у Гитлера быть не могло. Поэтому центральной проблемой войны и послевоенного мирового устройства была не победа — ясно было, что рано или поздно она произойдет, — и дальнейшая судьба не побежденной Германии, а Великобритании. До Второй мировой войны лидерами международной системы были Великобритания и Франция. Как США, так и СССР по разным причинам, но были заинтересованы в изменении мирового баланса сил, что означало лишение Британии и Франции их былых веса и роли в мире. Негласное сотрудничество СССР и США в решении этой задачи продолжалось вплоть до Суэцкого кризиса 1956 г. и увенчалось полным успехом.

Начало «холодной войны» было в этом контексте игрой Франции (она стала тут первой) и Британии на опережение, их попыткой стравить между собой США и СССР, не дожидаясь свертывания предвоенной мировой роли былых государств-лидеров; под лозунгом «борьбы против коммунизма» де-факто поставить мощь США на сохранение европейских колониальных империй. Не вышло... Яркое и долгожданное событие, каким стала капитуляция гитлеровской Германии, надолго заслонило понятный уже тогда специалистам факт, что господству Лондона и Парижа в мире наступает конец.

Сегодня положение во многом аналогично ситуации 1930—1940-х гг. Постсоветское США-центричное глобальное мироустройство (в самих США его называют «американским глобальным лидерством») вошло в 2000-е гг. в острейший политический кризис. Мир не устраивают не сами даже претензии США на лидерство — оно во многом объективно — сколько наглость, высокомерие, бесцеремонность и безответственность практики его осуществления при полном отсутствии положительных для мира результатов. Не устраивает многих и то, что это лидерство обеспечивается экономическим и внеэкономическим сдерживанием ближайших конкурентов и возможных оппонентов США — Евросоюза, Китая, России. В принципе, от такого сдерживания не защищен никто.

Сегодня, как и в начале, и в середине XX в., Россия и Германия снова в положении травимых аутсайдеров того миропорядка, который тогда и сегодня создан англо-американским политико-экономическим ядром исключительно под себя. Они снова оказываются по разные стороны линий размежевания, хотя по логике

их долговременных интересов должны были бы быть по одну. Не хочу давать какие-то личностные оценки ни одному из трех руководителей. Но думаю, что в международных отношениях приближается рубеж очень интересных перемен.

Выделяя «внешнеполитическое сознание» в самостоятельную категорию (как особый вид сознания), Вы отметили, что основная сложность ее определения после распада СССР заключается в том, что Россия только «вступила на путь осознания самой себя в резко изменившихся внутренних и международных условиях» [1]. Как можно охарактеризовать, на Ваш взгляд, «внешнеполитическое сознание» современной России в 2015 г.?

Произошли очень существенные и разнонаправленные изменения. Их суть: отечественное внешнеполитическое сознание демократизировалось — оно вышло за былой относительно узкий круг специалистов и идеологов, существенно выросло число причастных к нему людей. Но, как неизбежно происходит в таких случаях, имели место и заметное упрощение, спрямление его содержания, проникновение в него большого числа не- и антинаучных идей.

Первое и главное: российская политическая элита начинает понимать, что именно Россия, а не кто-то другой, была единственным победителем СССР, что без решающей, определяющей роли России — тогда РСФСР — ни США, ни Запад в целом ничего не смогли бы сделать в этом направлении. Вместе с этим приходит и горькое понимание того, что Россия под влиянием ее тогдашнего руководства фактически сама лишила себя этой победы и ее плодов, какими они могли бы быть. Мошеннически передернув карты, США изобразили победу России над СССР как поражение России в «холодной войне», политически легитимировав себе возможность создавать однополярный миропорядок; а официальная Москва десять лет хранила по этому поводу полное молчание. Обижаться на США сейчас бесполезно, надо бороться за новые позиции.

Второе: для миллионов россиян поездки за рубеж стали повседневной рутинной. Пусть для кого-то это поездки только на отдых — это все равно плотное личное общение с внешним миром, конкретное узнавание и этого мира, и в сравнении с ним и России, как в хорошем, так и в плохом. То есть возникла весьма солидная основа для более реалистического, не продиктованного одними только идеологическими оценками, взгляда на мир и на самих себя. Конечно, это пока не более чем основа; но она уже есть.

Третье: резко вырос круг людей, получающих высшее образование по политологии, политической психологии, международным отношениям. Сегодня в ведущих университетах всех субъектов Федерации есть кафедры или факультеты международных отношений. Т.е. количество людей, способных судить о международной жизни профессионально или хотя бы с позиций образованного человека, выросло на порядки.

Четвертое важное изменение, как я сказал выше — внешняя политика России формируется в очень узком кругу лиц и организаций. У такого порядка есть свои причины и свой резон, но он оставляет за бортом крайне многочисленный контингент амбициозных и подготовленных людей. Что им делать? Восхвалять «курс партии и правительства»? — Не то время, да и спрос на восхваления невелик.

Вставить к этому курсу в оппозицию? — Не все готовы, а главное, большинство эту политику поддерживает. И начинаются бифуркации в сторону различных умозрительных, оторванных от действительности картин мира... Не буду их называть, все и так понимают, о чем речь.

Пятое: по совокупности причин, как научных, так и многих других, не появилась ни в России, ни за ее пределами деидеологизированная теория международных отношений и мирового развития. Видимо, для нее еще не настало время.

Интервью провела Вера Чмырева

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. 1992. № 9. С. 7—22.

POLITICAL PSYCHOLOGY IN RUSSIA: CURRENT ISSUES IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL STUDIES

INTERVIEW WITH PROFESSOR NIKOLAY KOSOLAPOV, HEAD OF THE DEPARTMENT OF INTERNATIONAL POLITICAL ISSUES OF INSTITUTE OF WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

Interview with Professor N. Kosolapov is devoted to the most urgent and complex problems of modern international relations and world politics, reveals the current state of political psychology in Russia and abroad, as well as the evolution of the science. As estimated by N. Kosolapov, the viability of political-psychological projects in Russia has fallen sharply compared to 1990's. They are not fully used in the development of political strategies, as well as in the process of operational decision making and its realization. In the interview are marked the obstacles to the emergence of theoretical and applied research in Russia, as well as key milestones for future development of political psychology. It also touches upon the most important questions of psychology of leadership within the framework of modern Russian and international practice, the political process as a whole, shows the differences in the approaches of European and Russian scientific schools in the analysis of political leadership.

The author's vision of key issues of contemporary international relations is of particular interest: we are witnessing the fact that American global leadership is experiencing an acute crisis, which contributes to the escalation of inter-state conflicts. However, the positive effect of the international crisis for our country is that it led the elites to reconsider their own ideological guidance with respect to Russia's role in world politics and forced to fight for the «new position».

Key words: foreign policy, international relations, political psychology, psychology of leadership, foreign consciousness.

REFERENCES

- [1] Kosolapov NA Foreign policy consciousness: category and reality // *World Economy and International Relations*. 1992. № 9.